

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Научная статья

УДК 808.1

doi: 10.17223/19986645/85/7

Ключевые концепты в сибирской литературе второй половины XIX – начала XX в.: к проблеме формирования культурного ландшафта региона

Ирина Александровна Айзикова¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия, wand2004@mail.ru*

Аннотация. Предпринята попытка выявления некоторых концептов в сибирской литературе второй половины XIX – начала XX в., которые можно назвать ключевыми, прежде всего, для мемуарных жанров (воспоминания, дневники, записки, автобиографические рассказы и очерки), где они наиболее органичны, ярко изображая имагинарное пространство Сибири. Проблема изучается с учетом особенностей не только художественного концепта, но и культурного ландшафта Сибири как социокоммуникативного пространства трансграничья. Данный подход позволяет показать его многомерность на одном из этапов функционирования.

Ключевые слова: концепты, сибирская литература, культурный ландшафт, трансгранижье, Сибирь, природа, образование, ссылка

Благодарности: результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 0721-2020-0042.

Для цитирования: Айзикова И.А. Ключевые концепты в сибирской литературе второй половины XIX – начала XX в.: к проблеме формирования культурного ландшафта региона // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 85. С. 133–160. doi: 10.17223/19986645/85/7

Original article

doi: 10.17223/19986645/85/7

Key concepts in Siberian literature of the second half of the 19th – early 20th centuries: On the problem of the region’s cultural landscape formation

Irina A. Ayzikova¹

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, wand2004@mail.ru*

Abstract. A significant number of studies have been dedicated to the cultural and linguistic landscape of Siberia. Some of them show interest in exploring the domain of concepts that reflect the region’s natural and social world, and its transformation. In the article, the author focuses on literary concepts that are being formed in regional literature. This is of particular importance when studying regional cross-border territories, such as Siberia, which is distinguished by a variety of textual “carriers” of images of real and imaginary spaces. The article aims to identify and analyze some key concepts of the writings of the second half of the 19th – early 20th centuries related to the memoir genres and created by exiles, scientists, publicists, writers. This helps show the multidimensionality of the cultural landscape of Siberia at one of the stages of its functioning. The methodology of the research is determined by the idea of the cultural and linguistic landscape of Siberia as a historical, cultural and socio-cultural constructed space of a transborder; contextual and conceptual analyses in combination with semiotic and historical-literary ones reveal the authors’ representations of concepts, their semantic diversity and dependence on the communicative nature of the text. The analysis has shown that the concepts of Siberian nature, education and exile occupy a significant place in the domain of concepts of Siberian literature of this period. The content of the concept of Siberian nature is predetermined by one of the key features of the Siberian transborder – the focal location of the population and the associated idea of Siberian nature as wild, practically untouched by man. The relationship between man and nature in the analyzed writings is defined as enjoyment of nature as pure harmony and eternal beauty, harmony of nature and soul, human intervention in the life of nature. The first two aspects of the concept are consonant with its perception in the all-Russian culture and are the absolute dominants in the memoirs of the exiled Decembrists N. V. Basargin, A. E. Rosen, M. A. Bestuzhev. The third aspect reflects its Siberian specificity to the greatest extent; it is actualized in the works of Siberian writers S. I. Cherepanov, A. A. Cherkasov and Tomsk professor A. M. Zaitsev, where the concept is enriched with social, moral and ethical features: natural wealth, hunting, gold, wine, crime, sin, punishment. Education in the analyzed memoirs is a conceptual space; when creating it, the authors took into account the all-Russian literary and cultural contexts and the region’s historical and social context. Thus, in the memoirs of the Siberian regionalists (oblastniki) N. M. Yadrintsev and N. I. Naumov, the concept has a special hierarchical structure, including education, training, enlightenment, and is refracted through the prism of caricature narrative. The most important is the ambivalent sign of the environment. The concept of exile, like the concept of education, reflects the multilayered nature of the Siberian cultural landscape. Thus, in the memoirs of political exiles Rosen, Bestuzhev, Kuchelbecker, Basargin, Lvov, the content of the concept is revealed in reliance on the image of Siberia as a country of exile that developed in the all-Russian consciousness. At the same time, the concept, whose structure the author defines as procedural and

evaluative, was enriched with the following signs: Siberians, a new place, a new fatherland, cordiality, will, health, strength, acquisition, faith, creativity, friendship, etc. A native Siberian, the regionalist Yadrintsev became the exponent of the concept of Siberian exile as a form of colonization of Siberia. The overlapping of the identified concepts in a number of signs proves once again that they are included in the domain of concepts of one object – Siberian literature, which fixes a voluminous and systematic vision of the region's cultural landscape.

Keywords: concepts, Siberian literature, cultural landscape, transborder, Siberia, nature, education, exile

Acknowledgments: The study was performed as part of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of Russia, Project No. 0721-2020-0042.

For citation: Ayzikova, I.A. (2023) Key concepts in Siberian literature of the second half of the 19th – early 20th centuries: On the problem of the region's cultural landscape formation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 85. pp. 133–160. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/85/7

Введение. Культурному и языковому ландшафту Сибири сегодня посвящено значительное количество исследований. В ряде из них проявляется интерес к изучению концептосферы, отражающей природный и социальный мир региона, его трансформации, происходящие под влиянием внешних и внутренних факторов. Однако понятие концепта прочно закрепилось в лингвистических работах, в то время как тенденция к междисциплинарности, характеризующая современные научные подходы к изучению транскультурных явлений, требует внимания к художественным концептам, формирующимся в региональной литературе, и к выработке методики соотношения этого методологического конструкта с лингвокультурным концептом. Особое значение имеет изучение в данном аспекте региональных трансграничных территорий, каковой является Сибирь, отличающаяся разнообразием текстуальных «носителей» образов реальных и воображаемых пространств. Новизна и актуальность представленной проблемы определяются также малой изученностью художественных концептов сибирской литературы (можно говорить даже о невыевленности ее ключевых концептов) и остротой научных дискуссий о концептах в литературе, о методологии их анализа.

В.Г. Зусман, включая понятие концепта в исследовательское поле современного литературоведения, отмечал, что «опора на концепт открывает новые возможности в представлении литературы в качестве коммуникативной художественной системы» [1. С. 11], что это «агент» иных, кроме литературного, социальных полей, и потому он «имеет “выход” на геополитические, исторические, этнопсихологические моменты, лежащие вне художественного произведения» [1. С. 14]. Другими словами, введение художественного образа в сеть культуры делает его, по мнению ученого, концептом. Отражая общую традицию и одновременно индивидуально-авторскую картину мира, художественный концепт, таким образом, запечатлевает

ключевые свойства культуры разных социальных групп территории и разных личных поведенческих моделей.

Материал и методы исследования. Внося свой вклад в представление концептосферы сибирской литературы, цель предлагаемой статьи видим в выявлении и анализе некоторых ключевых концептов сочинений второй половины XIX – начала XX в., относящихся к жанрам, в которых они (концепты) наиболее органичны, ярко изображая имагинарное пространство Сибири, – это воспоминания, записки, дневники, биографические и автобиографические рассказы, созданные ссыльными, учеными, публицистами, писателями, что позволит показать многомерность культурного ландшафта Сибири на одном из этапов его функционирования. Методологию исследования определяет, во-первых, представление о культурном и языковом ландшафте Сибири как историко-культурном и социокультурном конструируемом пространстве трансграничья. Такой подход дает возможность выявлять типы коммуникаций в зависимости от ситуации постоянно «движущихся границ», в их исторических трансформациях, в связи с действиями нормативных и властных институтов и в их обусловленности восприятием, мышлением и действиями социальных групп (см. об этом: [2–10]).

Во-вторых, методологическими основами исследования являются контекстуальный метод, который обнаруживает сквозные мотивы и образы в репрезентации концептов, и концептуальный анализ в комплексе с семиотическим и историко-литературным, обнаруживающий авторскую репрезентацию концептов, их семантическое разнообразие и зависимость от коммуникативной природы текста. Отметим, что в ходе концептуального анализа произведения важно было моделирование структуры концепта, т.е. выделение его ядра, приядерной зоны, периферии, а также осмысление его функционирования. Анализируемые художественные концепты в текстах, отобранных по жанровому признаку и по месту их автора в социокультурном поле, выявлены методом сплошной выборки и трактуются на фоне их лигвокультурологической интерпретации. Кроме того, подчеркнем, что в данной статье мы обратились к воспоминаниям только светских авторов¹.

Обсуждение результатов. Одним из ключевых признаков сибирского трансграничья является дискретность – следствие земледельческо-промыслового освоения края, активно реализуемого с середины XIX в., и очагового размещения населения (см.: [4]). В мемуарной сибирской литературе второй половины XIX – начала XX в. это отразилось в актуализации концепта *сибирская природа*, входящего в приядерную зону более общего концепта русской культуры *природа*, который передает материальную и духовную стороны жизни человека. Внимание к этому концепту носит универсальный

---

¹ Мемуары сибирских духовных лиц представляют собой проблему, требующую специального рассмотрения. В последние годы они глубоко исследуются в статьях С.В. Мельниковой, Н.П. Магхановой (см.: [11–15] и др.).

характер, он обнаруживается практически во всех рассмотренных нами воспоминаниях.

Согласно словарям, природой называется окружающий нас материальный мир, все существующее, не созданное деятельностью человека. Анализируя концепт *сибирская природа* в мемуарных сочинениях, можно выделить такие его базовые репрезентанты, как *дикая, первозданная*, т.е. не нарушенная деятельностью человека и не контролируемая им. Эти базовые признаки синонимичны и раскрываются в описательно-оценочных признаках периферии: *рельеф, растительный и животный мир, климат, природные богатства, красота, мощь, вечность, человек, душа, будущее*.

Ссылный декабрист Н.В. Басаргин в своих «Записках» описывает природу за Байкалом с помощью таких индивидуальных периферийных признаков: *ароматы трав и цветов, благотворный воздух, бархатные луга, миллионы разнообразных цветов, приятные для глаз ландшафты, красиво расположенные прибрежные скалы, великолепна, изумительно красива, невольное восторженное удивление, особенное наслаждение* – все они отражают как объективные особенности рельефа, растительного мира, воздуха, так и переживание повествователем картин сибирской природы, которые заставляли его и других ссылных забывать о разлуке с родными и близкими и о своей «неопределенной будущности».

Сосланный в Сибирь декабрист А.Е. Розен также описывает в своих воспоминаниях Байкал и обращает внимание на особенности его берегов: «высокие и волнистые тянутся грядами, то скалисты, кремнисты, то покрыты зеленью, где лесом, где травой, где песком и глиною», отмечает вулканические образования, особенности устья Ангары («где Ангара вытекает из Байкала, стоят два огромнейших камня по самой середине, которые служат как бы шлюзами») и «отсутствие следов труда человеческого»: «берега озера украшены одною только природою» [16. С. 273].

В «Воспоминаниях о ловле зверей в Сибири» сибирский писатель С.И. Черепанов сосредоточен на животном мире региона, называя его «зверинцем русского государства» и отмечая, что Сибирь «имеет это исключительное назначение, данное ей природою». Главная мысль автора заключается в том, что сибирская природа – это естественная система, в которой практически нет места человеку: она, «в попечении своем о зверях, лишила человека всякой возможности заселять эти места, назначенные для зверей, для пищи которых здесь растут особые травы и мхи... С тою же целью растут ягоды, орехи и разные древесные плоды... Сама местность точно приуровнена к этой же цели. Все пространство прорезано большими реками <...>. Вся поверхность земли между этими реками состоит из отрогов главных хребтов... Весь зверинец покрыт густым лесом, доставляющим пищу своим диким жителям» [17].

Действия человека в этой системе Черепанов рассматривает исключительно с точки зрения их соответствия или противоречия законам природы. В связи с этим автор считает охоту противоречащей экосистеме «ловлей зверей для забавы, препровождения времени», в то время как звероловство,

исконное занятие сибиряков, это «народный¹ правильный промысел». Сибиряки занимаются им весь год, не нанося никакого урона природе, поскольку звероловы всегда исходят из того, что «для ловли каждого рода зверей назначены особое время и особые способы». Так концепт *сибирская природа* дополняется в воспоминаниях Черепанова признаками *охота* и *промысел*. Характеризуя звероловов, автор утверждает, что это люди кроткие, твердой нравственности и религиозности: «Преступления между ними неизвестны... Кража промысла у звероловов считается большим преступлением, ... и вы часто видите в лесу повешенный “бунт”² беличьих шкур, мимо которого проезжают сотни людей, не трогая его... Это отсутствие преступлений и проступков, и строгая честность в простом сословии, к которому принадлежат звероловы, – подчеркивает автор, – тем более замечательна, что люди эти... знают вкус в деньгах» [17].

Вместе с признаком *промысел* в концепт вводятся признаки *преступление*, *проступки*, *деньги*, но используются повествователем в отношении звероловов по принципу «от противного». Их «прекрасные качества» мемуарист объясняет тем, что душа зверолова, подвергающаяся постоянным испытаниям и искушениям, остается чистой благодаря Богу, дарующему им во время промысла право первенства над зверем. Этим правом они пользуются «благоразумно, с мыслью о будущем», в отличие от охотников, которыми движет «глубоко оскорбляющая» повествователя жадность: «Охотник только тогда был бы доволен охотой, когда истребил бы всех зверей и птиц, хотя иной, для удовлетворения своих потребностей имеет надобность лишь в одной паре штук» [17].

---

¹ В автобиографическом рассказе «Из записок сибирского охотника» писателя А.А. Черкасова, в 1886–1894 гг. барнаульского головы, сообщается о народных поверьях, запрещающих убивать некоторых птиц и зверей. Согласно одному из них, «если кто убьет лебедя, то с ним в скором времени непременно будет какое-нибудь несчастье», а если «тетерева садятся на крыши домов или надворных строений... это, по мнению народа, не хорошо и предвещает что-либо недоброе тому хозяину, который живет в том доме. Вот почему многие, заметя прилет нежданных гостей, тотчас спугивают птицу и не только не стреляют ее сами, но и другим ни за что не позволяют убить такую дичь на своем доме или усадьбе» [18. С. 29]. Мемуарист описывает, как однажды ему на стоянке под сани залетела копалуха (глухарь), «порядочно помятая и потеревленная собачонкой». Сопровождавший его ссыльнокаторжный Алексей Костин просит повествователя отпустить птицу: «...“не станем ее колоть, а лучше отпустим, пусть летит. Это не наша добыча, а притча какая-то, – картавил Алеха. – Полно ты вздор молоть, какая еще притча; коли, да и станем варить похлебку... уже волнуясь, проговорил я. – Правду, притча, – упорствовал Алексей, – лучше отпустим... она залетела под твои сани-то, тебе нехорошо будет. <...>. Худая это примета у нашего брата. Вот вы, господа, ничему эвтому не верите; все у вас вздор да пустяки”. Однако, копалуха была сварена в котелке, похлебка съедена. Как бы там ни было (не смейся, читатель), но вскоре наступило то время, что пришлось невольно вспомнить притчу Алексея», – сообщает повествователь, рассказывая далее о постигших его утратах [18. С. 34–35].

² Т.е. связи.

Признак *охота* раскрывается в авторской, индивидуальной, трактовке в рассказе А.А. Черкасова «Федот», имеющем подзаголовок «Из воспоминаний прошлого». Героем воспоминаний является Федот Спиридонович Тузовский. Крестьянин из Барнаульского округа, он работал на рудниках, «служил в заводах; работал кайлой и лопатой, долбил буравом и кирочкой <...>. Вся его служба как-то так слагалась, что он попадал под управление людей, которые любили охоту, и Федот, будучи сам не охотником, постоянно служил им на этом поприще чаще всего в роли конюха, кучера, гребца или рулевого на лодке» [19. С. 37].

Обратим внимание на признак *служба*, которым характеризуется Федот. Христианская, добрая душа, на одной из облавных охот он оказался в ситуации глобального для него выбора. Приставу Пазникову, у которого Федот находился в услужении, попалась «громадная медведица». Пристав убил ее, оставив без матери медвежат. Будучи «на взводе», он «не стал “мараться” охотой на них, а приказал бывшему с ним Федоту порешить их» [19. С. 41–42]. Федот, забыв о законах Бога, природы, добра, выполняет обязанности прислуги пристава и с топором идет «скрадывать (ловить. – И.А.) медвежат». Этот поступок, по словам повествователя, «вывернул» Федоту «всю душу и сердце». Как видим, совокупность признаков концепта *сибирская природа* обогащается в мемуарном рассказе Черкасова признаками *Бог, грех, преступление, раскаяние*. Параллельно повествователь приводит подобную историю, пережитую одним страстным охотником из Томска, который лично рассказывал ему, как «однажды на берлоге, застрелив большую медведицу, увидел двух небольших медвежаток, которые выползли из теплого гайна (логовище. – И.А.), взобрались на бездыханную уже мать и затащили такой раздирающий душу дуэт, что он тут же заплакал, бросил на снег штуцер и дал себе слово более не ходить за медведями на берлоги» [19. С. 42]. В рассматриваемом тексте синонимами глагола *охотиться* выступают глаголы *убить, застрелить*¹, активно используются слова с семантикой *смерть*, которую несет с собой в природу человек, превращая в *бездыханный труп* медведицу, делая медвежат *сиротами, горюющими и плачущими детьми*.

Концепт *сибирская природа* в научно-популярных статьях профессора минералогии Томского Императорского университета А.М. Зайцева также реализуется в приядерном признаке *особенности*, в его периферийных характеристиках *рельеф, природные богатства*. В статье «Озеро Шира», на

---

¹ В мемуарном очерке Черкасова «А. Брэм», посвященном известному немецкому зоологу, глаголы *убить, застрелить* становятся синонимами не только глагола *охотиться*, но и глагола *познать*. Повествователь описывает несколько случаев, когда для коллекции Брема лесничий в запрещенное для охоты время убивает животных или когда ученый сам это делает. Что касается охоты, зверопромысла, то автор куда более жестко, по сравнению с С.И. Черепановым, пишет об этом как о варварском преступлении ради наживы, на которое «блостители порядка» закрывают глаза за взятку: «...зато многие отчеты по губерниям как красно говорят о повсеместном уменьшении дичи и плачут об этом формальным порядком» [20. С. 61].

дневниковый характер которой указывает сам автор¹, подчеркивается, что природа живет здесь по своим законам: горные породы, поражающие своим многообразием и количеством, местами сами разрушаются, кое-где сами выходят на поверхность земли, складывая дорогу на озеро. В описании дороги к другим озерам, окружающим Ширу, главную роль также играют названия горных пород: авгитов порфирит, известняк, плитняк, порфир, мелафир и т.д. Даже степь на подъезде к Ширу описывается прилагательными *твердая, каменная, почти голая, лишенная растительности*. Эта *неприглядность* местности окупается лечебными природными свойствами воды Ширы и других озер, а также ее богатыми запасами.

Для профессора, посвятившего изучению камней свою жизнь, красота этой «неприглядности» раскрывается в полном объеме. Для него эти породы играют красками, складываются в целостную систему (даже на уровне их цветовой гаммы), органично входящую, в свою очередь, в глобальную систему природы. Его описания геологического строения берегов Ширы поэтичны настолько, насколько это позволяет научно-популярный текст: «можно наблюдать следующую смену пород. а) Нижний уступ сложен из пестрых (красных, пятнами, и полосами, зеленых) глин, затененных осыпями ...Таковые же прослойки в глинах заключают гнезда гипса. Верхний уступ состоит, по-видимому, также из пестрых глин. Восточнее, на упомянутых пластах залегают: б) Прослойки пестрого мергелистого известняка... с гнездами гипса. с) Пестрые глины. д) Карнизом выступает серый оолитовый известняк... Порода слоиста... содержит прожилки красноватого волокнистого гипса. е) Еще выше видны красные глины и слоистые мергелистые песчаники фиолетово-красные, пятнами, зеленовато-серые» и т.д. [19. С. 6].

В периферийную зону повествования вводится признак *усыхания* Ширы и других озер, что объясняется климатом и составом озерной воды, но и «обезлесением местности вследствие истребления человеком леса» [19. С. 8]. Автор обращается, в частности, к такому важнейшему признаку концептов *природа* и *сибирская природа*, как *человек*. Взаимоотношения человека и природы, двух живых сложнейших систем, представлены профессором в амплитуде семантики *разрушать / сохранять, изучать / понимать, добывать / беречь*.

В статье А.М. Зайцева «По золоторудному району», имеющей подзаголовок «Из дневника поездки 1903 г.», совокупность периферийных признаков концепта расширяется. В нее вводятся: *тайга, река*. Главными среди новых признаков оказываются также *золото, рудник, шахта*, что вновь обращает читателя к идее дикой природы и, вместе с тем, к дихотомии *природа / человек*. С одной стороны, тайга описана с помощью признаков *глухая, непроходимая, реки текут по красивым долинам, среди высоких гор*, сами меняют русло, впадают одна в другую. Даже дороги складываются в зависимости

---

¹ Сообщаемые ниже данные... носят... характер дневника, в который заносились впечатления и заметки, по мере посещения местностей, из которых некоторые были осмотрены мною впервые [21. С. 1].

от местности: то идут широкими долинами, то направляются «развилкою между вершинами речки, составляющейся из падунов» [22. С. 2]. Рудное золото тоже описывается как природное богатство характеристиками *длина и толщина отвода, толщина жилы и ее конфигурация, окружающие жилу породы*. Даже рудник, по словам автора, напоминает «Богом дарованную местность» [22. С. 3].

С другой стороны, автором активно используются понятия *глубина шахты, путь к руднику, управляющий рудника*, повторяющие характеристики описания природных богатств, но относящиеся к деятельности человека, забирающего эти дары природы. На его пути к золоту встают тайга, покрытые в начале июля снегом горы, «неприветливость погоды». На шахте рабочих ждут казармы, а после тяжелой работы их ждет вино и «другие атрибуты таежной жизни» [22. С. 12]. Эту жизнь автор описывает, используя природную идею круговорота, лишённую, однако, своего истинного смысла: промышленник и рабочие находятся всегда в ожидании большой добычи золота, промышленник – чтобы расширить золотодобычу, рабочие – чтобы было чем заплатить спиртоносу.

Природное золото как ценностное явление рассматривается в «Воспоминаниях о сибирской золотопромышленности», напечатанных в «Сибирском сборнике» за 1887 г. (подписано: А. Б-а) [23]¹. Написанные от имени жены сибирского золотопромышленника, они строятся на связи признаков *золото и вино, богатство и отсутствие культуры*, которые сводятся в систему взаимодействующих понятий: сибирская природа / ее освоение / традиционная культура региона / деньги / европейская цивилизация. Повествование обращено к изображению жизни золотопромышленников. Первый же человек, с которым мемуаристке довелось познакомиться в Томске, богатейший золотопромышленник, отрекомендованный ей мужем как его «старый приятель», «милый и добрый человек», явился с визитом к ней, незнакомой ему даме, едва стоящим на ногах. Приехав в Енисейск, семья повествовательницы размещается в доме, где до них жили золотопромышленники З., которые, по рассказам, играли в карты на золото и «уже в 10 часов утра считали долгом поить шампанским всякого приходившего к ним даже по делу» [22. С. 170–171]. В Енисейске повествовательница познакомилась с еще одним золотодобытчиком, «чрезвычайно интересным» человеком, «рыцарской прямоты, честности, смелости», с хорошим образованием, но при этом, будучи пьян, он делался «дерзок до забвения всех приличий» [22. С. 172], ему не «хватало характера воздержаться от вина, и он умер от этого недуга» [22. С. 171].

Атрибутом отношений золотопромышленников с горными исправниками и их помощниками были «поборы» – еще одна характеристика признака природной руды, *золота* как ценностного атрибута жизни человека. За «поборы» золотопромышленникам прощались многие *преступления*:

---

¹ Все сборники вышли под редакцией Н.М. Ядринцева.

засыпанные в завалах люди, плохая еда для рабочих, работа в шахтах ночью, «лишь бы не забывали приносить должное и помогали округлять состояние» высшей полицейской власти [22. С. 174]. Владея «страшно богатыми приисками», золотопромышленники «жили безумно, пили много, бросали деньги» на ветер, иногда в буквальном смысле слова, при том что в городе не было возможности дать детям образование.

Концепт *образование*, один из самых востребованных в русской культуре¹, является важнейшим и в концептосфере рассмотренных нами воспоминаний в значении *обучение, воспитание, просвещение*. Он встречается в мемуарах, главным образом, областников, где трактуется как фактор, обеспечивающий развитие края, его светлое будущее. Однако его реализация требовала больших, долговременных и последовательных усилий, поскольку речь шла о внедрении в сибирский культурный ландшафт, в целом, чуждой ему системы, конструируемой по модели западноевропейской цивилизации, основанной, как известно, на антропоцентрических принципах мироздания.

Текстообразующую роль концепт играет в «Воспоминаниях о томской гимназии» Н.М. Ядринцева, подчеркивавшего трудность вхождения культуры, образования, творчества в европейском понимании в сибирский культурный ландшафт, трансграничный по своей природе и в силу этого отличающийся, помимо дискретности, многослойностью. Выражением последней является пересечение вертикальных и горизонтальных коммуникаций: имперская модель институциональных взаимоотношений общерусской и региональной культур, выработанная по схеме так называемого русского ориентализма, концепция европеизации русской культуры, принятия идей и ценностей европейской культуры как истинных, прогрессивных, этически оправданных и эстетически совершенных, накладывались на специфику сибирской культуры, диктуемой взаимодействием ее собственных культурных «полей» – инородцев, сибиряков-старожилов, вольных и невольных

---

¹ Л.М. Бузинова в своей статье «О концепте “образование” в российской лингвокультуре» отмечает: «Концепт “образование” реализует свой семиотический потенциал в рамках следующего синонимического ряда: воспитание, просвещение, культура, цивилизация, прогресс; образованность; выделка, изготовление, созидание, фабрикация, формирование (формировка), организация, устройство. Следующие словосочетания осуществляют вербализацию признаков глобального концепта на лексическом уровне: начальное образование; среднее образование; высшее образование; народное образование; дать образование; получить образование; техническое образование; последипломное образование; инновационное образование; непрерывное образование» [24. С. 75]. Признавая, что концепт «образование» является базовым в русской культуре и литературе, о чем говорит большое количество пословиц и поговорок: «Ученье – свет, неученье – тьма», «Не стыдно не знать, стыдно не учиться», «Век живи – век учись», фольклорных сочинений других жанров, произведения таких авторов второй половины XIX – начала XX в., как А.П. Чехов, И.С. Тургенев, Н.Г. Помяловский и другие, исследователи подчеркивают, что данный концепт, прежде всего, изучают в рамках лингвокультурологии (см., например: [25. С. 57]).

переселенцев из Центральной России, существовавших на своих идеях и ценностях.

В мемуарах публициста концепт с самого начала встает в следующий оценочный ряд: *патриархальность, глубокая жизненная печаль, меланхолия, огонь иронии*, который и определяет особенности мемуарного повествования, созданного, как указано в подзаголовке, к 50-летнему юбилею гимназии, т.е. спустя более 30 лет со времени обучения автора в гимназии. Несмотря на прошедшие годы, концепт *образование* реализует свой семиотический потенциал преимущественно в рамках карикатуры на должное. Периферийные признаки концепта: *хаос жизни, разнузданность учителей и учеников, «налеты и подкарауливание», усмирение, экзекуции* и подобное, выступают у Ядринцева на уровне всех компонентов описания социокультурного ландшафта Сибири («физический субстрат», «системы регулирования», «интеракции и действия», «символическое кодирование и восприятие»), позволяющих проследить логику его складывания и степень его устойчивости в разных исторических обстоятельствах.

Так, один из образов, характеризующих жизнь в томской гимназии в воспоминаниях Ядринцева, – зоологический, дикарский мир («мир зверьков»), где господствует физическая сила, а «авторитет принадлежал сильнейшему» [26. С. 4]. Такой мир вызывает у мемуариста ассоциации с первобытным обществом, а его обитатели – с «детьми природы», регулирующими свои отношения чаще всего насилем: они воюют друг с другом и охотно «выходят на бои», на «войнишки» с чужими. «Слабые и хилые оставались в унижении» [26. С. 4], и мемуарист испытал это на себе, один вид его опрятности возмущал «демократический вкус» гимназистов.

Н.М. Ядринцев комментирует это явление следующим образом: «Плебс города вложил свои инстинкты в детей своих». Как видим, репрезентация концепта *образование* у Ядринцева получает в качестве важнейшего ядерного признак *среда*. Его логическим продолжением оказываются признаки *воспитание* и *перевоспитание* как необходимые действия, направленные на преодоление законов «мира зверьков», на развитие личности и создание условий для этого на основе социокультурных, духовно-нравственных ценностей, транслируемых русской (европейской) культурой, что напрямую связано с областнической идеологией автора воспоминаний. Веру в возможности воспитания, без которого само по себе обучение не давало результатов, мемуарист черпал в той же *дикарской среде*, где он находил себе не только врагов, но и защитников, и настоящих товарищей. Одним из них был Наумочка, будущий беллетрист Н.И. Наумов. Сила воспитания, на которую возлагал свои надежды Ядринцев, определялась еще и тем, какое место он отводил воздействию среды, влиянию ее изменения на человека, так что *среда* выступает в воспоминаниях Ядринцева особым признаком концепта *образование*.

Мемуарист неоднократно подчеркивает, что многие гимназисты были выходцами из *грубой среды*, приносившей им и недостатки, и пороки, но и богатый жизненный опыт. Признак *среда*, очевидно, амбивалентен в

воспоминаниях Н.М. Ядринцева: «...в этой среде... добро и зло имели одинаковое действие» [26. С. 6–7], причем «порча» и «разврат» быстрее привились не к беднякам, а к детям «состоятельных классов». Так, в семантическое поле *образование, воспитание* автором вводятся признаки *деньги, богатство, бедность, социальное и материальное неравенство*. «Более здоровую натуру» плебса, по мнению Ядринцева, защищают от быстротечного распада именно отсутствие роскоши и трудовая жизнь. В это же поле гимназической *среды* попадают признаки *духовное равенство, дружба, товарищи, уважение «честной бедности», поклонение труду и таланту*, что, как считает мемуарист, облегчало гимназистам восприятие *общечеловеческого идеала*.

Концепт *образование* раскрывается у Ядринцева и через признак *свобода*, которая, во-первых, по его мнению, есть врожденное свойство человека, во-вторых, она поддерживалась у гимназистов, несмотря на царившие в ней суровые нравы, сибирскими просторами и *природой*, помогая саморазвитию, открывая молодым людям «прекрасный мир для наслаждений и наблюдений» [26. С. 8].

Как лучшие минуты своей жизни мемуарист вспоминает окончание годовых экзаменов, все страхи, потрясения от которых сразу же смывались в «прекрасной Томи», а потом наступало лето – «жизнь среди природы», под влиянием которой «слагались нежные чувства и истинное стремление к прекрасному», к творчеству даже у тех, кто «славился только физическим развитием», кто был воспитан «грубой средой». Эта идея позднее выльется еще в один постулат областнической идеологии, согласно которому любовь к прекрасному, «поэтические мотивы души» доступны сибирякам, выступавшим в глазах многих представителей центральной России неразвитыми дикарями, обладающими только недюжинной физической силой. Именно природа закладывает в сибиряка и любовь к малой родине, преданность ей, и гражданственность, и «желание трудиться на пользу родного края» [26. С. 10]. Здесь тоже прочитываются основные положения областничества.

Наконец, воспоминания Н.М. Ядринцева о томской гимназии обращены еще к одному из признаков концепта *образование*, предстающих приядерными в лингвистических исследованиях. Речь идет об изображении в ядринцевских мемуарах собственно процесса обучения. Его контент формирует прежде всего галерея *учителей*, представляемых мемуаристом в основном устойчивыми компонентами как калейдоскоп карикатур. Все они плохо образованы (некоторые не имели никакого отношения к педагогике), сохранили только анекдотические воспоминания о своем обучении. Не готовые к «глухой, неприветливой жизни в провинции», в Сибирь они были «занесены» случайно. «Явившись в местную среду, – пишет мемуарист, – с своим казенным запасом знаний, без всякой силы и веры в свое призвание, они могли только затеряться и опуститься... усваивая жизнь и привычки невежественной среды» [26. С. 13]. В описании учителей Ядринцев возвращается к тем же признакам, с помощью которых описывал учеников, включая признак *идеал*, который гимназистов звал в будущее, а учителя «умерли слепцами у подножия того идеала, который мог согреть их жизнь и спасти ее» [26. С. 14–15].

В содержание признака *обучение* входит и изображение отношения учеников к учителям и преподаваемым ими дисциплинам, которое передается следующими словосочетаниями: *слабостями учителей пользовались, насмехались над ними, никогда не учили для него уроков*, всем учителям гимназистами были даны клички¹. Не менее показательны отношения к ученикам учителей, которые позволяли себе прийти на урок нетрезвыми, могли применить к гимназистам физическую силу и т.д.² Образ гимназии, по сути, становится в воспоминаниях Ядринцева символом невежества, невоспитанности, бескультурья и учеников, и учителей. «Старая добрая гимназия, – включает мемуарист, – не тебе было суждено с твоими педагогами развить в нас жажду знания, пробудить ум и сердце» [26. С. 17].

Однако «всепоглощающая *страсть знания*, пробуждение, проникающее в молодую душу», открывающее «очи», охватывающее, «чарующее ум», заставляющее «осмысливать жизнь» [26. С. 17] как врожденные свойства человека пробивали себе дорогу и в такой среде. Именно в гимназии к Ядринцеву, Наумову, Поникаровскому пришла страсть к чтению, к литературному творчеству. Понимание идей свободы, равенства довольно быстро и легко скорректировал у гимназистов новый молодой учитель, сокашник Н.А. Добролюбова Н.С. Щукин, вокруг которого образовался кружок, где у учеников формировалось новое мировоззрение, их гражданская позиция, где они с жадностью впитывали прогрессивные идеи общественной жизни.

Конечно, жизнь товарищей Ядринцева по гимназии, да и его собственная жизнь сложились по-разному. Н.М. Ядринцев, как известно, в связи со своими областническими идеями прошел и через аресты, и через ссылку, и

---

¹ Н.И. Наумов в своих воспоминаниях «Н.М. Ядринцев в томской гимназии» перечисляет те же действия: «Мы могли только ненавидеть... наставников, и мы ненавидели их... Мы презирали их, потешались над ними и, копируя их с неподражаемым мастерством, заставляли, бывало, весь класс стонать от хохота. Мы пользовались каждым случаем, чтоб сделать им какую-нибудь пакость, и делали ее, не чувствуя угрызения совести» [27. С. 7].

² Об этом же пишет Н.И. Наумов: «Учились мы... не только скверно, но вернее сказать, ничему не учились, не потому что не хотели учиться или по неспособности. О, нет! Такой поразжающей жажды знания, какая одолевала нас, трудно встретить. <...> При другой обстановке, условиях и составе преподавателей, которые сумели бы воспользоваться и направить проснувшуюся мысль у детей и любовь к знанию, мы были бы блестящими учениками, но мы не учились потому, что нам нечему было учиться у наших преподавателей, к которым нельзя даже и применять слово “преподаватель”. Это было что-то невозможное, состоящее из грязных, вечно пьяных драчунов, которые, как я думаю, и самито ничего не знали» [27. С. 3]. В своих воспоминаниях Наумов описывает урок грамматики: «Приходил... учитель... в класс, задавал урок – выучить из Грамматики Востокова наизусть страницу или две “отсюда и до сюда” и уходил в сторожку гимназии», куда вскоре сторож приносил «штоф вина, покупаемый нашими наставниками в складчину» [27. С. 4]. Обучение на уроке проходило в форме рассказа гимназистом заученного наизусть, учитель следил за его ответом по книге и ставил пятерку, если ученик отвечал без запинки, если же в ответе были запинки или ученик и вовсе молчал, его таскали за волосы, ставили в угол на колени и угрожали поркой.

через сибирский острог¹. Личные впечатления, вынесенные автором из этих жизненных событий, легли в основу ряда его статей и книги «Русская община в тюрьме и ссылке», которая, по словам Г.Н. Потанина, посвящена «самому кардинальному из сибирских вопросов» [28. С. 221].

В заключение мы остановимся на концепте *ссылка* как одном из самых востребованных в сибирской мемуарной литературе интересующего нас периода. Так же как и концепт *образование*, отражающий многослойность трансграничного сибирского пространства, он активно исследуется в лингвистике и констатируется как ключевой многими литературоведами. Степень и характер влияния невольных переселенцев на сибирский культурный ландшафт во многом зависела от того, к какой категории ссылочно-каторжных они принадлежали: были ли это «просвещенные люди, попадавшие в ссылку в Сибирь по политическим причинам», – Ядринцев писал о том, что «конечно, они оказали влияние в тех местностях, в которых были поселены, и многие отдельные личности обязаны им своим развитием»; или это были уголовные преступники, оказывающие, по словам того же Ядринцева, «расплевающее действие на местное общество» [29. С. 649].

Исследовавшая данный концепт как феномен сибирской лингвокультуры Т.А. Демешкина указывает, что к концу XIX в. он укоренился в сознании носителей русского языка. Его базовыми репрезентантами называются лексемы *ссылать*, *ссылка*, *каторга* и их дериваты. «Существительное “ссылка”, – отмечает исследователь, – многозначно и определяется как 1) действие по значению глагола сослать – ссылать; 2) вынужденное пребывание на поселении в качестве ссылочного; 3) место, куда сослан кто-то... В среднеобских говорах данная лексема функционирует во всех этих значениях» [30. С. 37]. Семантическое поле «ссылка», по наблюдениям Демешкиной, моделируется словоформами *ссылать*, *ссылочный*, *ссылка*, *каторга*, *каторжный*, *каторжник*, *репрессия*, *политссылочный*, *политический*, *репрессированный*, *раскулачивание*, *босычество*, *лишеница*, *спецпереселенец*, *поселенец*, *надзиратель*, *стражник*, *варнак*, *взять*, *забрать* («задержать», *арестовать*»), *комендатура*, *враги народа*, *арест*, *Сибирь*, *Нарым*, *Нарымский край*, *Колпашевский берег (Яр)*, *Сталин*, *Свердлов*» [30. С. 38]. Толкование лексемы «каторга», по наблюдениям ученого, «нагружено историческими, идеологическими и социальными смыслами» и связано с царской Россией, тяжелым физическим трудом, суровым режимом содержания ссылочных. Анализ функционирования лексемы «каторга» в речи старожиллов, отмечает Т.А. Демешкина, «также показывает, что она используется в рассказах о давно прошедших событиях в дореволюционной России» [30. С. 37].

---

¹ В 1865 г. Ядринцев, как известно, вместе с Н.С. Щукиным, Г.Н. Потаниным, с которым он познакомился благодаря Щукину, и другими был арестован по делу «Общество независимости Сибири» и три года провёл в омском остроге, позднее, признанный виновным в намерении отделить Сибирь от России, был отправлен в ссылку в Архангельскую губернию.

Осмысление концепта *ссылка*, главным образом его базового с лингвокультурологической точки зрения репрезентанта *каторга*, в русской словесной культуре видим в выражениях *почетная ссылка; не житье, а каторга; август – каторга, да после будет мятовка и др.* В них воплощаются такие признаки концепта, как наказание, мука, страдание, маета, отчаяние. Эти и другие смыслы, вплоть до иронических, получили образное выражение и в русских народных песнях: «Ах ты доля, моя доля, / Доля-долюшка моя / Ах зачем же, злая доля, / До Сибири довела...», «Кибель мой, кибель мой, / Поднимается, опускается, / Тянем-ка, тянем-ка, / Раз, два, хватай», «Из Иркутска ворочуся / Счастливым, может быть» и др. (см.: [31]).

Во второй половине XIX в. концепт *ссылка (каторга)* входит в творчество Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, Н.А. Некрасова, А.П. Чехова, В.Г. Короленко, Н.Э. Гейнце, которые осмысливают его как один из важнейших элементов национальной культуры в ценностном плане. В рассмотренных нами сочинениях о сибирской ссылке, написанных ссылными декабристами, петрашевцами (Н.В. Басаргин, М.А. Бестужев, В.К. Кюхельбекер, А.Е. Розен, Н.Ф. Львов, Н.М. Ядринцев) в жанре воспоминаний и изданных во второй половине XIX в., чаще всего во фрагментах с купюрами и, как правило, в периодических изданиях концепт получил особое осмысление, поскольку смоделирован был в опоре на личный ссылочно-каторжный опыт.

На пристальное внимание авторов рассмотренных сочинений к концепту *ссылка* указывают прежде всего заглавия произведений и социальный статус авторов, который явствует из их «говорящих» имен и фамилий, введенных в заглавие: «Записки Николая Васильевича Басаргина», «Записки Михаила Александровича Бестужева. 1825–1840 гг.», «Дневник В.К. Кюхельбекера»; «Записки декабриста» А.Е. Розена, «Выдержки из воспоминаний ссылочно-каторжного» Н.Ф. Львова, «Русская община в тюрьме и ссылке», «Положение ссылных в Сибири» Н.М. Ядринцева и др. В заголовках частей, глав и их расширенных подзаголовках перечисляются базовые репрезентанты концепта: *острог, тюрьма, поселение*, а также признаки, составляющие его ближнюю периферию: *арестанты, преступники, неволя, заключение, железы (кандалы, цепи), наказание, дорога, прощание, работа, болезнь, бунт, побег*, и дальнюю периферию: *сборы в дорогу, Петровский железный завод, Нерчинские заводы, Шилкинский завод, Александровский завод, А.Г. Муравьева, Е.П. Нарышкина, А.В. Ентальцева, Е.И. Трубецкая, М.Н. Волконская, Н.Д. Фонвизина, М.А. Назимов, И.И. Сухинов, И.Ф. Фохт, М.С. Лунин, Тобольск, Курган, Акатуй, Чита и др.*

Структуру концепта *ссылка*, подобно другим рассмотренным в данной статье концептам, в анализируемых воспоминаниях можно определить как процессуально-оценочную, что обусловлено природой мемуарного нарратива (во-первых, он реализует идею движения, носит сюжетный характер и, во-вторых, оценке в субъектном повествовании о сибирской ссылке подвергается всё) и что, конечно, увеличивает содержательный объем концепта.

Динамика и трансформация концепта раскрываются в большинстве анализируемых воспоминаний через описание происходящего (во внешнем и

внутреннем мире повествователя) во времени. Так, модель той или иной описываемой ситуации в «Записках...» Басаргина конструируется на постоянно фиксируемой смене места действия, фиксации всех этапов пути ссылки в Сибирь: Петербург, Тихвин, Ярославль, Кострома, Вятка, Пермь, Екатеринбург, Тобольск, Тара, Ишим, Каинск, Колывань, Томск, Ачинск, Красноярск и т.д. Фиксируются и меняющиеся даты передвижения ссылных по дороге в Сибирь. В картину пребывания повествователя и движущихся с ним ссылных в той или иной географической точке входят более или менее подробные описания разнообразных действий самого повествователя и других участников событий, которые, кстати, тоже постоянно сменяют друг друга. Для примера сравним два фрагмента:

Выехав из Петербурга, где все было погружено во мрак, мы прибыли ночью на первую станцию и вышли обогреться в комнату смотрителя. Мне это в особенности было нужно, потому что легенький тулуп мой худо защищал меня от январского мороза. Товарищи мои тоже вышли. Фельдъегерь (он оказался мне знакомым и бывал прежде моим подчиненным, когда я был старшим адъютантом, а он приезжал с бумагами в Тульчин) обходился с нами очень вежливо, и действительно, как мы убедились впоследствии, был очень добрый человек. Железа нам очень мешали и не давали свободно ходить. Мы, по совету его, подвязали их и уладили, сколько возможно удобнее для ходьбы. Тут я вспомнил о данной мне плац-майором (при отправке из Петербурга. – И.А.) завернутой бумажке. Можно представить себе мое удивление, когда я нашел в ней, вместо оставшихся моих денег – десять серебряных гривенников. Вот все богатство, с которым я отправился, слабый и больной¹, в сибирские рудники, за шесть слишком тысяч верст от своего семейства» (выделено нами. – И.А.) [32. С. 62–63].

Второй фрагмент описывает пребывание повествователя в Красноярске:

В Красноярске губернатор угостил нас с искренним радушием. Во всех почти городах, где мы останавливались, чиновники приходили к нам: сначала не смели к нам приступить, заговорить с нами, но всегда кончали предложением услуг и изъявлением участия. На станциях являлись обыкновенно этапные офицеры с подобными же предложениями, а простой народ толпился около повозок и хотя видимо боялся жандармов, но нередко те, которые были посмелее, подходили к нам и бросали нам в повозку медные деньги. До сих пор храню как драгоценность медную денежку, которую я взял у нищей старухи. Она вошла к нам в избу и, показывая нам несколько мелких монет, сказала: «Вот все что у меня есть; возьмите, братюшки, отцы наши родные. Вам они нужнее, чем мне». <...> Чем далее мы

---

¹ Этот признак, а вместе с ним и такие, как климат, семья, свобода, меняются на прямо противоположные в дальнейшем повествовании: «Местность Читы и климат были бесподобны. Растительность необыкновенная. <...> Воздух был так благотворен... что никогда и нигде я не наслаждался таким здоровьем. Будучи, как я уже говорил, слабого, тщедушного сложения, я, казалось, с каждым днем приобретал новые силы и, наконец, до такой степени укрепился, что стал почти другим человеком. <...> Отсутствие всяких телесных недугов имело необходимое влияние на расположение духа. Мы были веселы, легко переносили свое положение и, живя между собою дружно, как члены одного семейства, бодро и спокойно смотрели на ожидавшую нас будущность» [32. С. 79–80].

подвигались в Сибири, тем более она выигрывала в глазах моих. <...> Как страна ссылки, Сибирь снисходительно принимала всех без разбора. Когда ссыльный вступал в ее границы, его не спрашивали, за что и почему он подвергся каре законов. Никому и дела не было, какое он сделал преступление, и слово несчастный, которым звали сибиряки сосланных, очень хорошо выражает то понятие, которое они себе составили о них. От него требовалось только, чтоб на новом своем месте он вел себя хорошо, чтобы трудился прилежно и умел пользоваться с умом теми средствами, которые представляло ему новое его отечество» (выделено нами. – И.А.) [32. С. 66–67].

В обоих фрагментах динамика и трансформация концепта передаются периферийными признаками материально-объектной основы событий: мрак, ночь, станция, комната смотрителя, тулуп, мороз, железа (кандалы. – И.А.), деньги, сибирские рудники, шесть с лишком тысяч верст. Во втором фрагменте, описывающем пространство и события после преодоления этих верст, используются признаки, константные для всего повествования: станция, повозки, деньги, и новые, значительно расширяющие семантику концепта: сибиряки, новое место, новое отечество, радушие.

Во втором фрагменте расширяется и состав актантов – ср. в первом отрывке: смотритель, товарищи, фельдъегерь, плац-майор (последний запомнился вследствие своего подлого поступка по отношению к повествователю); во втором – губернатор, чиновники, этапные офицеры, жандармы, простой народ, нищая старуха – все они представляют единое целое, которое охватывается словом сибиряки, запомнившиеся повествователю состраданием к ссыльным, называемым ими не иначе, как несчастные.

В отрывке о пребывании в Красноярске актуализируются интеракции и действия, регулирующие взаимоотношения участников событий: ссыльных все, независимо от социального положения, чина и звания, стараются угостить, изъявить им свое участие, предложить услуги, передать деньги, даже если это последние мелкие медные монеты. При этом их не спрашивают о содеянном, в них не видят преступников, им искренне сострадают; повествователь, в свою очередь, в своих воспоминаниях называет этих людей именно, хранит память о них в мельчайших подробностях.

Сравнение приведенных фрагментов показывает нарастание модуса оценки и складывание системы знаков, кодирующих глубинные смыслы приядерных и периферийных признаков. Во втором отрывке оценке, социальной и этической, подвергаются практически всё и вся: радушие – искреннее, боялся – видимо, кто был посмелее, храню как драгоценность, батюшки, отцы наши родные, снисходительно принимала, чтобы вел себя хорошо, трудился прилежно, пользовался с умом.

Символической кодировке здесь подвергается такой признак концепта, как металл: в первом фрагменте речь идет о железных кандалах и серебряных гривенниках, наделенных мемуаристом негативной коннотацией, во втором в центре повествования – история о медной монете, которую повествователь воспринял как символ сострадания и милосердия, «драгоценность», таковым он и пронес этот образ через года в своей памяти.

Поскольку концепт *ссылка* восходит к социальной дихотомии *преступление/наказание* и нравственно-этической *добро/зло*, постольку аксиологическое поле концепта лежит на пересечении этической и социальной плоскостей, и у всех авторов воспоминаний оценки амбивалентны. Причем ядро концепта (*ссылка*, *каторга*) во всех анализируемых текстах вызывает двойственное переживание в рамках одних и тех же противоположных признаков, таких как *воля/неволя*, *болезнь/здоровье*, *слабость/сила*, *утраты/обретения*. То же самое можно сказать о приядерной зоне: *острог*, *тюрьма*, *поселение*.

Оценка признаков ближней периферии концепта (*кандалы*, *дорога*, *прощание*, *работа*) и особенно дальней менее амбивалентна, но более индивидуальна. Так, например, *кандалы* (*железы*) во всех воспоминаниях обозначены как символ несвободы, унижения, неудобства. Однако в воспоминаниях Розена *кандалы* ассоциируются с понятиями *боль* и *смерть*: на подъезде к Чите «лошади понесли, переломился деревянный шкворень – в один миг мы были выброшены из повозки... я повис правой ногой на оглобле, левою на постромке и на шлее левой пристяжной и обеими руками ухватился за гриву коренной. В таком положении кони таскали меня две версты... в кандалах, запутавшись в тяж, я сам себе помочь не мог» [16. С. 219]. Подобная семантика признака *кандалы* встречается и в воспоминаниях Бестужева: еще в Шлиссельбургской крепости перед отправкой в Сибирь его заковали «впереверт», из-за чего «железа растерли» ему ноги так, что он не мог ходить. На Суксунском спуске в Томской губернии он едва не погиб: в результате неумелого управления шесть «сцепившихся коней, бесясь и обрывая упряжь, ...понесли под гору», нагнали и опрокинули телегу с Бестужевым, который, «падая, повис своими железами на задней оси», а кони «повлекли» его «как Гектора за колесницей Ахиллеса», после чего масса «сцепившихся коней и повозок» покатила на него. В отличие от Розена, Бестужев получил серьезное ранение головы, другой *ссылочный*, И.И. Горбачевский, «страшно разбил лицо» [33. С. 178–179].

Наиболее показательно описание женщин в рассматриваемых воспоминаниях. Если в мемуарах Басаргина, Бестужева, Розена с необычайной теплотой и благодарностью описываются их жены и жены их товарищей, последовавшие за мужьями в Сибирь, стойко переживающие вместе с ними все невзгоды, выступающие для *ссылочных* ангелами-хранителями, то в дневнике Кюхельбекера центральным женским образом является не любимая им жена, не равная ему по социальному положению, образованию, уровню культуры, не понимающая его ценностей и не принесшая ему ничего отрадного. Все его разговоры с женой, упомянутые в дневнике, – о нехватке денег, о болезни детей. Попытки обсудить с ней «Войну мышей и лягушек» Жуковского закончились, судя по дневниковой записи, следующим: «Жена à rgoros de* царевича Белая Шубка говорит, что белые мыши в Баргузине не редкость» [34. С. 265]. 26 мая 1840 г. Кюхельбекер с горечью подводит итоги: «Кто у меня остался? Матушка, некогда женщина необыкновенная, ныне развалина, и ей 84-й год. Сестра Юстина Карловна... у ней чувства много,

но нет этого удивительного, поэтического воображения... Другая сестра – доброе, милое существо, но и просвещением и умом слабее Юстины: нет, таких женщин, какова была моя матушка... я не знавал ни одной подобной!.. Вот и все, и со всеми я разлучен!» [34. С. 255]. 9 января 1842 г. он пишет, обращаясь к сыну: «...научись из моего примера, не женись никогда на девушке, как бы ты ее ни любил, которая не в состоянии будет понимать тебя» [34. С. 283].

В сборнике «Русская община в тюрьме и ссылке» Н.М. Ядринцева изображена целая галерея ссыльных уголовных преступниц. Главные их характеристики выражаются такими признаками, как вино, разгул, разврат, профанация любви, извращение женской природы. Вот лишь один фрагмент: «...по всему острогу в окошках этажей и в разных укромных местах и щелях между обоими полами шли непрерывные разговоры, любезности, уверения в любви, обещания увидеться где-нибудь и т.п. – Милый, дорогой мой Ваня, ведь я, голубчик, только и думаю, что о тебе. Ты, Ваня, в карты-то не играй! – раздаётся сверху Бог знает из какого-то угла голос страстной любовницы. – Я очень верю вам, Амфиса Семеновна, и сам к вам в расположении чувств, потому четыре калача и заварку чаю... – отвечает из такого же укромного места снизу голос страстного любовника, какого-то фешенебельного поселенца» [29. С. 121–122].

Показательна оценка периферийного признака *работа*, воспринимаемого по-разному в зависимости от позиции автора-повествователя воспоминаний. В мемуарах политссыльных этот признак интерпретируется в амплитуде противоположных по своему значению характеристик *принуждение/свобода*. А.Е. Розен, например, так описывает работы, на которые выводили ссыльных: «Каждый день, исключая праздников, нас выводили за конвоем, на три часа поутру и на два после обеда, засыпать какой-то ров на конце селения. Мы были очень рады этим работам, потому что они позволяли нам видеться с товарищами нашими из другого каземата. Работать же нас не принуждали: свежая несколько тачек земли, мы обыкновенно садились беседовать друг с другом или читали взятую с собой книгу, и таким образом проходило время работы... Впоследствии придумали нам другую работу: устроили ручную мельницу в несколько жерновов и водили туда молотить хлеб. Но и там мы почти ничего ни делали, толковали, читали, играли в шахматы, и только для виду подходили минут на десять к жерновам и намалывали фунта по три такой муки, которая ровно никуда не годилась» [16. С. 77].

С одной стороны, признак *работа* вводится в семантическое поле *неволи* за счет использования глаголов в страдательном залоге: *нам назначены были, нас выводили, придумали нам другую работу, водили молотить*. Повествователь подчеркивает, что работа была для ссыльных обязательной, ежедневной (кроме праздников), ею они должны были заниматься в строго определенные часы, ссыльных водили на нее под конвоем, вид деятельности им выбирать не приходилось, делали то, что приказывали, выполняли бессмысленную работу. С другой стороны, работа приносила ссыльным радость, и не только потому, что никто их не принуждал работать, но и в связи с

обретаемой свободой общения с товарищами из другого каземата, *свободным выбором* своих занятий во время работы.

Вместе с тем Розен вспоминает о том, чем занимались ссыльные «в часы, досужные от работ». Запираемые в каземате с 9 вечера, при запрете пользоваться свечами, они, пока было светло, читали все журналы и газеты на русском, французском и немецком языках, дозволенные цензурой, книги из библиотек своих товарищей, которые были доставлены в места их ссылки. Когда становилось темно и читать было невозможно, они слушали лекции своих товарищей, имевших классическое образование, по стратегии и тактике, физике, химии и анатомии, высшей и прикладной математике. Они «беседовали в потемках или слушали рассказы М.К. Кюхельбекера о кругосветных его путешествиях и А.О. Корниловича из отечественной истории» <...> Некоторые из наших начали учиться иностранным языкам» [16. С. 234–235]. Эти занятия трудно назвать временем, свободным от работы, они определяются понятием *духовная работа*, которая выполняется душой, развивая ум и сердце.

К духовной работе ссыльных следует отнести и творчество. Так, В.К. Кюхельбекера в ссылке спасали от тоски и уныния, кроме веры, занятия литературой. Его дневник можно без преувеличения назвать сборником литературно-критических разборов сочинений русской и зарубежной литературы, в который включены и его собственные стихотворения. В нем вообще не нашлось места описаниям работы как физического труда ссыльных.

Свое свободное время ссыльные использовали и для общения с местными крестьянами. Так, Басаргин описывает в воспоминаниях свой долгий разговор со ссыльным из крестьян Ермолаем, рассказавшим ему на одной из станций обо всей своей жизни, что было очистительным и просветляющим действием для обоих участников диалога. Розен вспоминает, что «А.В. Поджио первый возрастил в ограде... острога огурцы на простых грядках, а арбузы, дыни, спаржу и цветную капусту и кольраби – в парниках, прислоненных к южной стене острога. Жители с тех пор с удовольствием стали сажать огурцы и употреблять их в пищу» [16. С. 223]. Гораздо труднее ссыльным было уговорить начальство позволить им учить детей, «делая пользу, занять и себя». По воспоминаниям Бестужева, ссыльные декабристы «придумали законную лазейку. Сначала им разрешили учить детей «церковному пению... Свистунов и Крюков (Николай), отличные певцы и музыканты, составили прекрасный хор певчих, а как нельзя петь, не зная грамоте, то разрешено» было «учить читать... Мы с братом взяли на себя обучение, и дело пошло так хорошо, что многие дети горных чиновников поступали первыми в высшие классы Горного института и других заведений» [33. С. 193].

В воспоминаниях областника Ядринцева, в основном сосредоточенного на уголовных ссыльных, такой периферийный признак концепта *ссылка*, как *работа*, воспринимается исключительно как изнуряющий подневольный физический труд, бессмысленное наказание, восстановление сил после которого происходит только благодаря пьянству и разгулу.

Областнической идеологией у Ядринцева определяется репрезентация концепта *ссылка* в целом. Понимая ссылку как самый непродуктивный способ колонизации Сибири, он конструирует концепт такими признаками: 1) *преступление и наказание*, трактуемые сквозь призму понятия *среды*: «Если история преступлений отражает внутреннюю жизнь народа с ее неустройствами, недостатками, с ее общественными болезнями, то история наказаний... указывает на репрессивные меры, которые... создавало общество и власть, стремясь подавить существующее зло» [29. С. 524]; 2) *жестокость, зверство наказания*, с помощью которого предпринималась безуспешная, по мнению автора, попытка истребить жестокость, зверство преступления; 3) *народный протест*, способ прекращения которого государство видит в ссылке; 4) *страх* («все власти и партии одинаково пользовались страхом, чтобы двигать массами и обеспечивать себе временное спокойствие» [29. С. 545]); 5) *беззаконие*, обеспечиваемое множеством указов и законов о ссылке; 6) *«экономическое средство*, заменявшее как краткосрочные, так и долгосрочные тюрьмы, полицейские наказания, надзор полиции за лицами подозрительными и сотни других наказаний» [29. С. 561]; 7) *даровая рабочая сила* («В прежнее время... преступников ссылали “на пашню”, теперь же их стали отсылать прямо в каторжные работы» [29. С. 540–541]); 8) *колонизация Сибири* («мы намерены рассмотреть сделанные у нас опыты колонизовать Сибирь ссылаемыми туда преступниками и, таким образом, насильственную колонизацию сделать подспорьем колонизации свободной, начавшейся с самых первых годов завоевания Сибири в XVI столетии» – так формулирует суть сибирской ссылки Ядринцев, определяя цель своего труда [29. С. 564]).

Именно с этими признаками концепта *ссылка*, формировавшимися государством, связано, считает Ядринцев, укоренившееся в общественном сознании представление о Сибири как «стране ссылки», «проклятом месте»: «“варначье происхождение” Сибири получило известную вероятность даже в глазах людей более образованных, имевших возможность ближе ознакомиться с этим вопросом, и они по-прежнему высказывают решительное убеждение, что прямое назначение Сибири – быть штрафной колонией России и что ссылка приносит столько же выгоды преступнику, делая его оседлым и исправляя его, как и стране, которую она заселяет, которой дает рабочие руки, обучает ремеслам и вообще «просвещает» [29. С. 564]. Не отрицая положительного влияния на развитие Сибири «просвещенных людей, попавших в ссылку в Сибирь по политическим причинам» [29. С. 550]¹, Ядринцев все же связывал преобразование Сибири в первую очередь с целенаправленным и последовательным просвещением и образованием сибиряков,

---

¹ «Поэтому, – пишет Ядринцев, – говоря о пользе ссылки для умственного развития Сибири, нельзя принимать в расчет подобные исключительные случаи и приходится вывести заключение, что ссылка принесла Сибири ничтожную пользу в умственном развитии; зато она дала иные результаты в нравственном отношении, оказывая растлевающее действие на местное общество» [29. С. 550].

что, по его убеждению, «воскресило бы силы этого края и придало бы ему совсем новую жизнь» [29. С. 654]. Неслучайно концепт «образование» является одним из самых востребованных в сочинениях Ядринцева, включая его воспоминания, о чем уже шла речь выше.

Как показывает анализ материала, концепт *ссылка* обростаёт в каждом рассмотренном мемуарном нарративе новыми признаками, обусловленными авторским взглядом на происходящее, авторским мировоззрением и, соответственно, образом повествователя, при том что фабула повествования, его узлы, задаваемые изображением во всех анализируемых сочинениях одного события, оказываются одинаковыми (отправка в Сибирь из одиночной камеры Шлиссельбургской крепости, сборы в дорогу, время отправки, дорога, прибытие к месту каторги, обустройство, работа и т.д.¹).

Так, в «Записках» Басаргина концепт обогащается признаком *страх*. Эта эмоция проистекала из ощущения неизвестности пространства, в которое его увезут, и одновременно из стереотипного знания о том, что ожидает ссыльного в Сибири. Свое состояние мемуарист характеризует как предчувствие конца жизни: «назначенный на жительство в Сибирь», он убежден, «что все... отношения и расчеты с миром кончены и что остальная жизнь... должна пройти в отдаленном мрачном краю... в постоянных страданиях и лишениях всякого рода». «Я не считал уже себя жильцом этого мира», – заключает повествователь [32. С. 54].

В дневнике В.К. Кюхельбекера концепт *ссылка* расширяется за счет такого признака, как *утрата*, одного из самых частотных в тексте. Цикл «Дневник поселенца» открывается «Посланием к брату», главным мотивом которого является «горькая, тяжелая» утрата светлых мечтаний, с которыми «свыклась душа» и «жизнь срослась». 12 февраля 1838 г. Кюхельбекер пишет о смерти племянника Н.Г. Глинки, 14 июня записывает в дневнике: «12-го вечером родился у меня сын-первенец, мертвый. Вчера я его похоронил» [34. С. 243]. За годы ссылки декабрист пережил смерть матери, еще одного сына и многих друзей. Неслучайно параллельным признаку *утрата* в дневнике Кюхельбекера оказывается концептуальный признак *одиночество*, которое восходит и к романтической эстетике его творчества.

В «Выдержках из воспоминаний ссыльно-каторжного» Ф.Н. Львова объем периферии концепта *ссылка* увеличивается за счет признаков *вино*, *карты*, *игра*: они имеют разные оценки и ставятся повествователем в один ряд с такими понятиями, как запрет, деньги, контрабанда, а также измена, предательство, чувство долга, гражданские обязанности, честь, совесть, власть «высоко поставленных» людей, отвечающих за порядок в жизни

---

¹ С этим связаны такие общие для всех воспоминаний константные признаки концепта, как холод (зима), ночь, теплые вещи (или их отсутствие), почтовые тройки (повозки), почтовые станции, теснота помещений в острогах, нары, плохая (непривычная) еда.

каторжан, а с другой стороны – «ум, ловкость и характер... ссыльных» [35. Т. 89. С. 123]¹.

Выводы. Проведенный анализ показал, что в концептосфере сибирской литературы второй половины XIX – начала XX в. значительное место занимают концепты *сибирская природа, образование и ссылка*. Они закономерно актуализируются в сочинениях, относящихся к жанру воспоминаний.

Содержание концепта *сибирская природа* предопределено одним из ключевых признаков сибирского транстраничья – очаговым размещением населения и связанным с этим представлением о сибирской природе как дикой, практически не тронутой человеком. Место человека в ней определяется в проанализированных сочинениях в трех аспектах: *наслаждение природой как чистой гармонией и вечной красотой* (человек вне экосистемы), *природа и душа* (слияние вечных законов природы и врожденных свойств внутреннего мира человека) и *природа и деятельность человека* (человек деятельный, внедрившийся внутрь экосистемы). Первые два аспекта концепта созвучны его восприятию в общерусской культуре и являются безусловными доминантами в воспоминаниях ссыльных декабристов Н.В. Басаргина, А.Е. Розена, М.А. Бестужева.

Третий аспект в наибольшей степени отражает его сибирскую специфику, актуализируясь в сочинениях сибирских писателей С.И. Черепанова, А.А. Черкасова и томского профессора А.М. Зайцева, где концепт обогащается такими социальными оценочными признаками, как *природные богатства, тайга, охота, промысел, звероловство, золото, рудник, шахта, деньги, вино*. В этих сочинениях расширяется и аксиологическое поле концепта нравственно-этическими признаками *проступок, преступление, нарушение народных примет, Бог, грех, наказание, раскаяние*. Взаимоотношения человека и природы представлены в данной группе воспоминаний в амплитуде семантики *разрушать, добывать/сохранять, изучать*.

В целом концепт воссоздает процесс формирования культурного ландшафта Сибири второй половины XIX – начала XX в., описываемого взаимодействием понятий: *сибирская природа / традиционная культура региона / европейская цивилизация*. Художественный концепт *сибирская природа* в концептосфере рассмотренных воспоминаний восходит прежде всего к традиционной сибирской культуре, где сущностными ценностями являются законы природы, патриархальность и традиция. Вместе с тем он отражает процесс «покорения» Сибири, сибирской природы, в первую очередь связанный с деятельностью человека, ориентацией в освоении края на западную культуру и цивилизацию.

Образование в проанализированных воспоминаниях – это концептуальное пространство, при создании которого авторы учитывали как

---

¹ Показательно и отсутствие/наличие некоторых периферийных признаков концепта в сочинениях разных авторов. Так, в воспоминаниях декабристов практически отсутствует такой признак, как *вина*, в то время как у Ядринцева и Львова он оказывается одним из важнейших.

общерусский литературный и культурный контексты, так и исторический и социальный контексты региона, представляя многослойность его культурного ландшафта, в частности внедрение в него чуждой ему образовательной модели, основанной на антропоцентрических принципах понимания мира и места человека в нем. В «Воспоминаниях о томской гимназии» Н.М. Ядринцева концепт *образование* имеет особую иерархическую структуру, включающую в себя *воспитание, обучение, просвещение*. Концепт соотносится с реалиями культурного ландшафта региона и преломляется сквозь призму карикатурного повествования, обогащаясь признаками *патриархальность, глубокая жизненная печаль, хаос жизни, разнузданность учителей и учеников, усмирение, экзекуции* и т.п. Важнейшим среди них в воспоминаниях областника Ядринцева оказывается амбивалентный признак *среда*, в спектр которого входят *ненависть, деньги, пьянство, драки, насмешки, зубрежка, жестокие наказания учеников*, а с другой стороны – *страсть знания, идеал, природа, равенство, дружба, воспитание, поклонение труду и таланту, гражданская позиция, любовь к родному краю*.

Концепт *ссылка*, как и концепт *образование*, отражает многослойность сибирского культурного ландшафта. Так, в воспоминаниях политических ссыльных – декабристов Розена, Бестужева, Кюхельбекера, Басаргина, петрашевца Львова, оказавших безусловное влияние на него, содержание концепта раскрывается в опоре на сложившийся в общерусском сознании образ Сибири как страны ссылки. Этими авторами традиционные признаки концепта *ссылка* (и образа Сибири) – вечные холод, мрак, неволя, одиночество, отсутствие надежды на лучшее будущее, болезнь, смерть – были конкретизированы (острог, тюрьма, поселение, рудник, жандармы, кандалы и др.) и нередко переосмыслены, получив, как правило, амбивалентное толкование. Концепт, структуру которого мы определяем как процессуально-оценочную, в целом обогатился признаками *сибиряки, новое место, новое отечество, радушие, воля, здоровье, сила, обретение, вера, творчество, дружба* и т.п.

Коренной сибиряк, радеющий за малую родину, областник Ядринцев стал выразителем концепции сибирской ссылки как формы колонизации Сибири. Мысли, которые писатель концентрирует в своем публицистическом дискурсе, восходят к областнической идеологии. В соответствии с ней он интерпретирует концепт, все его признаки, выведенные им из своих социально-политических убеждений и собственного ссылочно-каторжного опыта: *преступление, наказание, народный протест, беззаконие, даровая рабочая сила, вино, разгул, разврат, извращение человеческой природы* и др. – сквозь призму признака *среда*, который многое определяет и в его толковании концепта *образование*.

Переключка выявленных концептов в ряде признаков лишней раз доказывает, что они входят в концептосферу одного объекта – сибирской литературы, закрепляющую объемное и системное видение культурного ландшафта региона. Рассмотренные в статье концепты, входя в единую концептосферу, находятся по отдельным своим признакам в разного типа отношениях: иерархических, сходства или различия и др. Изучение этого аспекта

проблема представляет собой одну из перспектив исследования наряду с дальнейшим выявлением и анализом ключевых концептов сибирской словесности.

Список источников

1. *Зусман В.Г.* Диалог и концепт в литературе. Литература и музыка. Н. Новгород, 2001. 168 с.

2. *Кучинская Т.Н.* Трансграничный регион как форма социокультурного пространства: в поисках когнитивной модели исследования // *Современные проблемы науки и образования*. 2011. № 6. URL: <https://science-education.ru/article/view?id=5045> (дата обращения: 07.08.2023).

3. *Ярошенко А.В.* Проблемные пути концептуализации трансграничья // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*. 2012. № 152. С. 41–47.

4. *Демешкина Т.А., Дутчак Е.Е.* Социокоммуникативное пространство трансграничья: модель реконструкции культурно-языкового ландшафта Сибири // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2020. № 67. С. 28–44.

5. *Демешкина Т.А.* Культурно-языковой ландшафт трансграничного региона: возможности описания // *Динамика языковых и культурных процессов в современной России*. Вып 7: Материалы VII Конгресса РОПРЯЛ (Екатеринбург, 6–9 октября 2021 г.). СПб. : РОПРЯЛ, 2022. С. 122–126.

6. *Литературное трансграничье: русская словесность в России и Казахстане* / отв. ред В.И. Габдуллина. Барнаул, 2017. 290 с.

7. *Айзикова И.А.* Культурный ландшафт Сибири в духовной литературе второй половины XIX в.: воображаемая и социальная география // *Текст. Книга. Книгоиздание*. 2021. № 27. С. 103–125.

8. *Гнюсова И.Ф.* Модели социокоммуникативного пространства в фольклоре народов Сибири (на материале сборников под редакцией Г.Н. Потанина) // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2021. № 74. С. 234–255.

9. *Позиционирование территорий Байкальского региона в условиях трансграничья* / отв. ред. А.К. Тулоханов. Новосибирск : Наука, 2012. 426 с.

10. *Сибирь как поле межкультурных взаимодействий: литература, антропология, историография, этнология* / под ред. Е.Е. Дмитриевой, П.В. Алексеева, М. Эспана. М., 2021. 496 с.

11. *Матханова Н.П.* Записки православных священников об изучении и освоении Сибири в XIX в. // *Гуманитарные науки в Сибири*. 2016. Т. 23, № 3. С. 25–30.

12. *Матханова Н.П.* Мемуары сибирского духовенства XIX века. URL: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/sb-confess/2_9.html

13. *Мельникова С.В.* «В кораблике моем горит свеча...»: образ реки в «Путевых записках» архиепископа Нила (Н.Ф. Исаковича) // *Проблемы исторической поэтики*. 2022. № 20 (1). С. 320–330.

14. *Мельникова С.В.* Путь в Сибирь как опыт «пороговой» ситуации в мемуарах православного духовенства XVII–XIX веков // *Сибирский филологический журнал*. 2022. № 4. С. 63–76.

15. *Мельникова С.В.* Богословское, публицистическое и мемуарное наследие протоиерея Ф.А. Стукова: казанский и якутский периоды // *Сборник трудов Якутской духовной семинарии*. 2020. № 7. С. 119–134.

16. *Розен А.Е.* Записки декабриста. Иркутск, 1984. 480 с.

17. *Черепанов С.И.* Воспоминания о ловле зверей в Сибири. URL: <https://xn----dtbdzdfqbczhet1kob.xn--p1ai/2021/01/02/vospominaniya-o-lovle-zverej-v-sibiri/> (дата обращения: 19.07.2023).

18. Черкасов А.А. Из записок сибирского охотника // Природа и охота. 1883. Февраль. С. 29–36.
19. Черкасов А.А. Из воспоминаний прошлого. Федот // Природа и охота. 1887. Январь. С. 36–48.
20. Черкасов А.А. А. Брэм // Природа и охота. 1887. Январь. С. 48–70.
21. Зайцев А.М. Озеро Шира и его окрестности // Известия Императорского Томского университета. Кн. XXVII. Томск, 1905. С. 1–15.
22. Зайцев А.М. По золоторудному району (Из дневника поездки 1903 года) // Известия Императорского Томского университета. Кн. XXVII. Томск, 1905. С. 1–22.
23. Воспоминания о сибирской золотопромышленности // Сибирский сборник. СПб., 1887. С. 168–186.
24. Бузинова Л.М. О концепте «образование» в российской лингвокультуре // Языкознание. 2018. Ч. 1, № 8 (86). С. 72–76.
25. Макашова В.В. Структурная модель концепта «образование» // Litera. 2022. № 5. С. 55–64.
26. Ядринцев Н.М. Воспоминания о томской гимназии // Сибирский сборник. 1888. Вып. 1. С. 1–32.
27. Наумов Н.И. Н.М. Ядринцев в томской гимназии. Иркутск, 1896. 16 с.
28. Литературное наследство Сибири. Т. 6: Г.Н. Потанин. Воспоминания. Новосибирск, 1983. 336 с.
29. Ядринцев Н.М. Русская община в тюрьме и ссылке. М., 2015. 752 с.
30. Демешкина Т.А. «Ссылка» как феномен сибирской лингвокультуры // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 56. С. 34–46.
31. Песни каторги. Песни сибирских каторжан, беглых и бродяг. Сборник В.Н. Гартельд. Б.м., 2012. 197 с.
32. Записки Николая Васильевича Басаргина. М., 1872. 171 с.
33. Записки Михаила Александровича Бестужева // Русская старина. 1870. Т. II. СПб., 1870. С. 175–193.
34. Дневник В.К. Кюхельбекера. Л., 1929. 375 с.
35. Львов Ф.Н. Выдержки из воспоминаний ссылочно-каторжного // Современник. 1861. Т. 89. Отд. 1. № 9. С. 107–127; Т. 91. Отд. 1. С. 205–240, 643–662.

References

1. Zusman, V.G. (2001) *Dialog i kontsept v literature. Literatura i muzyka* [Dialogue and Concept in Literature. Literature and music]. Nizhny Novgorod: DEKOM.
2. Kuchinskaya, T.N. (2011) Transgranichnyy region kak forma sotsiokul'turnogo prostranstva: v poiskakh kognitivnoy modeli issledovaniya [Transborder region as a form of sociocultural space: in search of a cognitive model of research]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. 6. [Online] Available from: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=5045>. (Accessed: 07.08.2023).
3. Yaroshenko, A.V. (2012) Problemnye puti kontseptualizatsii transgranich'ya [Problematic ways of conceptualizing transborder]. *Izvestiya Ros. gos. ped. un-ta im. A.I. Gertsena*. 152. pp. 41–47.
4. Demeshkina, T.A. & Dutchak, E.E. (2020) The socio-communicative space of transboundary areas: a reconstruction model of the cultural and linguistic landscape of Siberia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 67. pp. 28–44. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/67/2
5. Demeshkina, T.A. (2022) [Cultural and linguistic landscape of a transborder region: possibilities of description]. *Dinamika yazykovykh i kul'turnykh protsessov v sovremennoy Rossii* [Dynamics of Linguistic and Cultural Processes in Modern Russia]. Proceedings of the

7th ROPRYAL Congress. Vol. 7. Yekaterinburg. 6–9 October 2021. Saint Petersburg: ROPRYAL. pp. 122–126. (In Russian).

6. Gabdullina, V.I. (ed.) (2017) *Literaturnoe transgranich'e: russkaya slovesnost' v Rossii i Kazakhstane* [Literary Transborder: Russian literature in Russia and Kazakhstan]. Barnaul: Altai State Pedagogical University.

7. Ayzikova, I.A. (2021) The cultural landscape of Siberia in the spiritual literature of the second half of the 19th century: imaginary and social geography. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing.* 27. pp. 103–125. (In Russian). doi: 10.17223/23062061/27/6

8. Gnyusova, I.F. (2021) Models of the socio-communicative space in the folklore of the peoples of Siberia (based on materials of collections edited by Grigory Potanin). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology.* 74. pp. 234–255. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/74/13

9. Tulokhonov, A.K. (ed.) (2012) *Pozitsionirovanie territoriy Baykal'skogo regiona v usloviyakh transgranich'ya* [Positioning of the Territories of the Baikal Region in Transboundary Conditions]. Novosibirsk: Nauka.

10. Dmitrieva, E.E., Alekseev, P.V. & Espagne, M. (eds) (2021) *Sibir' kak pole mezhhkul'turnykh vzaimodeystviy: literatura, antropologiya, istoriografiya, etnologiya* [Siberia as a Field of Intercultural Interactions: Literature, anthropology, historiography, ethnology]. Moscow: IWL RAS.

11. Matkhanova, N.P. (2016) Zapiski pravoslavnykh svyashchennikov ob izuchenii i osvoenii Sibiri v XIX v. [Notes of Orthodox priests on the study and development of Siberia in the 19th century]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri.* 3 (23). pp. 25–30.

12. Matkhanova, N.P. (n.d.) *Memuary sibirskogo dukhovenstva XIX veka* [Memoirs of the Siberian clergy of the 19th century]. [Online] Available from: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/sb-confess/2_9.html.

13. Mel'nikova, S.V. (2022) “V korablke moem gorit svecha...”: obraz reki v “Putevykh zapiskakh” arkhiepiskopa Nila (N. F. Isakovicha) [“A candle is burning in my boat...”: the image of a river in the Travel Notes of Archbishop Nile (N. F. Isakovich)]. *Problemy istoricheskoy poetiki.* 20 (1). pp. 320–330.

14. Mel'nikova, S.V. (2022) Put' v Sibir' kak opyt “porogovoy” situatsii v memuarakh pravoslavnogo dukhovenstva XVII–XIX vekov [The path to Siberia as an experience of a “threshold” situation in the memoirs of the Orthodox clergy of the 17th – 19th centuries]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal.* 4. pp. 63–76.

15. Mel'nikova, S.V. (2020) Bogoslovskoe, publitsisticheskoe i memuarное nasledie protoiereya F.A. Stukova: kazanskiy i yakutskiy periody [The theological, journalistic and memoir heritage of Archpriest F.A. Stukov: Kazan and Yakut periods]. *Sbornik trudov Yakutskoy dukhovnoy seminarii.* 7. pp. 119–134.

16. Rozen, A.E. (1984) *Zapiski dekabristsa* [Notes of a Decembrist]. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo.

17. Cherepanov, S.I. (2021) *Vospominaniya o lovle zverey v Sibiri* [Memories of catching animals in Siberia]. [Online] Available from: <https://xn----dtbdzdfqbczhet1kob.xn--p1ai/2021/01/02/vospominaniya-o-lovle-zverey-v-sibiri/>. (Accessed: 19.07.2023).

18. Cherkasov, A.A. (1883) Iz zapisok sibirskogo okhotnika [From the notes of a Siberian hunter]. *Priroda i okhota.* February. pp. 29–36.

19. Cherkasov, A.A. (1887) Iz vospominaniy proshlogo. Fedot [From the memories of the past. Fedot]. *Priroda i okhota.* January. pp. 36–48.

20. Cherkasov, A.A. (1887) A. Brem. *Priroda i okhota.* January. pp. 48–70. (In Russian).

21. Zaytsev, A.M. (1905) Ozero Shira i ego okrestnosti [Lake Shira and its surroundings]. *Izvestiya Imperatorskogo Tomskogo universiteta.* 27. pp. 1–15.

22. Zaytsev, A.M. (1905) Po zolotorudnomu rayonu (Iz dnevnika poezdki 1903 goda) [On the gold mining region (From the diary of a trip of 1903)]. *Izvestiya Imperatorskogo Tomskogo universiteta.* 27. pp. 1–22.

23. Vospominaniya o sibirskoy zolotopromyshlennosti [Memories of the Siberian gold industry]. In: Yadrintsev, N.M. (ed.) *Sibirskiy sbornik* [Siberian Collection] (1887). Saint Petersburg: Tip. I.N. Skorokhodova. pp. 168–186.
24. Buzinova, L.M. (2018) O kontsepte “obrazovanie” v rossiyskoy lingvokul’ture [On the concept of “education” in Russian linguistic culture]. *Yazykoznanie*. 8 (86). Part 1. pp. 72–76.
25. Makashova, V.V. (2022) Strukturnaya model’ kontsepta “obrazovanie” [Structural model of the concept “education”]. *Litera*. 5. pp. 55–64.
26. Yadrintsev, N.M. (1888) Vospominaniya o tomskoy gimnazii [Memories of the Tomsk gymnasium]. *Sibirskiy sbornik*. 1. pp. 1–32.
27. Naumov, N.I. (1896) *N.M. Yadrintsev v tomskoy gimnazii* [N.M. Yadrintsev in the Tomsk gymnasium]. Irkutsk: [s.n.].
28. Yanovskiy, N.N. (1983) *Literaturnoe nasledstvo Sibiri* [Literary Heritage of Siberia]. Vol. 6. Novosibirsk: Zapadno-Sibirskoe knizhnoe izdatel’stvo.
29. Yadrintsev, N.M. (2015) *Russkaya obshchina v tyur’mе i ssylke* [Russian Community in Prison and Exile]. Moscow: Institut russkoy tsivilizatsii.
30. Demeshkina, T.A. (2018) “Exile” as a phenomenon of the Siberian linguaculture. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 56. pp. 34–46. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/56/3
31. Gartevel’d, V.N. (2012) *Pesni sibirskikh katorzhan, beglykh i brodyag* [Songs of Katorga. Songs of Siberian convicts, fugitives and vagabonds]. [S.l.]: Salamandra P.V.V.
32. Basargin, N.V. (1872) *Zapiski Nikolaya Vasil’evicha Basargina* [Notes of Nikolai Vasilyevich Basargin]. Moscow: Tip. F. Ioganson.
33. Russkaya starina. (1870) *Zapiski Mikhaila Aleksandrovicha Bestuzheva* [Notes of Mikhail Alexandrovich Bestuzhev]. *Russkaya starina*. 2. pp. 175–193.
34. Orlov, V.N. & Khmel’nitskiy, S.I. (ed.) (1929) *Dnevnik V.K. Kyukhel’bekera* [Diary of V.K. Kuchelbecker]. Leningrad: Priboy.
35. L’vov, F.N. (1861) *Vyderzhki iz vospominaniy ssyl’no-katorzhnogo* [Excerpts from the memoirs of an exiled convict]. *Sovremennik*. 9 (89). Part 1. pp. 107–127; 91. Part 1. pp. 205–240, 643–662.

Информация об авторе:

Айзикова И.А. – д-р филол. наук, заведующий кафедрой общего литературоведения, издательского дела и редактирования филологического факультета Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: wand2004@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

I.A. Ayzikova, Dr. Sci. (Philology), head of the Department of General Literature Studies, Publishing and Editing, Faculty of Philology, National Research Tomsk State University Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: wand2004@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 11.08.2023;
одобрена после рецензирования 04.09.2023; принята к публикации 05.09.2023.*

*The article was submitted 11.08.2023;
approved after reviewing 04.09.2023; accepted for publication 05.09.2023.*